

Творческое объединение «ЗЫБЧАНИЕ» представляет ЛИТЕРАТУРНУЮ СТРАНИЦУ

Татьяна САМУСЕНКО

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Я жадно пью вечернюю прохладу —
Подарок от пылающего дня.
Фонарь горит,
в саду трещат «цикады»
И комары снуют возле меня.
Бьют капельки дождя
по листьям тихо,
Вот громче слышен
шелестящий звук,
И дождь уже отплясывает лихо,
И оживляет влагой всё вокруг.
А завтра утром снова очень жарко,
Всё будет вянуть,
сохнуть и страдать,
И с нетерпением ждуть
от дня подарка:
Живой прохлады и дождя опять.
О чём ещё природе пометчать.

Художник Галина Маркина.
«Цветы».

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

НА ЗАКАТЕ ЛЕТА

Вечер добрый, вечер тихий
Опустился за окном,
Спит в гнезде перепелиха,
Спит округа и весь дом.
Как-то даже слишком быстро
Стих и кончился закат,
Нет ни шума, нет ни свиста,
Снова август прячет взгляд.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Я сказала — отрубил,
Ты поверил — не пришёл.
Я забуду то, что было, —
И одной мне хорошо.
Мой язык — моё же горе,
Вывать бы, отдать врагу.
На тебя я в щель в заборе
Наглядеться не могу.

Татьяна ПОЖИЛЕНКОВА

Дождь трезвонит по подоконнику,
А в меня поселяется радость:
Представляю, сколько поклоннику
Моему от небес досталось
Воды...
Как он, мокрый и бешеный,
Цветы швыряет в канаву,
Вот так же чувствами прежними
Он впускал в меня боль и отраву.
Но пока он тонет ботинками
В огалтелой природной
стервозности,
Из кафе под дождь с поединка
Я сбегая — проверку прочности
Провела...
Лишнее растворилось.
Что со мною произошло?
То же, что в природе —
Все обновилось.

Евгений МОСЯГИН

Ко времени моего знакомства с этим человеком контора Аэропроект стала Проектно-исследовательским и Научно-исследовательским институтом. Я часто слышал, что в институте, в одном из технических отделов, работает инженер-проектировщик без рук. Это было совершенно невероятно, как это можно работать проектировщиком без рук? Чертить-то надо.

— А он чертит, — сказал мне мой хороший приятель Сергей Валентинов, ветеран Аэропроекта. — Чертит. У него оторваны кисти рук, а культя расщеплены, и он приспособился.

Мне очень хотелось познакомиться с этим человеком, но работали мы в разных отделах и по производственным вопросам не пересекались. Нельзя же, в самом деле, заявиться в помещение, где он работал и заявить ему: «Здравствуйте, я хочу посмотреть, как вы работаете». Однажды в коридоре мне показали на прошедшего мимо мужчину. «Вот он — Лаврук», — сказали мне. Крупный, плотного сложения мужчина в накинутах на плечи пиджаке неспешно удалялся по коридору. Держался он прямо, и походка была у него несуетливой, как у человека вполне уверенного себе.

Следующая встреча с Лавруком оказалась для меня более содержательной. В Аэропроекте был организован шахматный турнир, в котором я принимал участие. Так вышло, что Лаврук сидел за соседним столом. Против него играл неприветливый сметчик, который то и дело забывал нажимать на кнопку часов, и Лаврук ему напоминал об этом:

— Я мог бы за тебя нажимать твою кнопку, так у меня рук нет.

Я поглядывал на него. Противник мне достался не очень опасный, и у меня была возможность несколько отвлечься от своей игры. Лаврук в накинутах на плечи пиджаке, под которым были укрыты его «руки», не меняя позы и не вставая с места, играл спокойно и уверенно. Удивительно было, как он брал шахматные фигуры. Я хорошо рассмотрел его «руки», вернее то, что осталось у него от нормальных человеческих рук. У него не было обеих кистей, оторванных или ампутированных сантиметров на шесть-семь выше запястья. На оставшихся обрубках хирург разделил лучевую и локтевую кости так, что вместо гениального творения Бога или природы, вместо прекрасных человеческих ладоней с пятью пальцами Лаврук получил две крупные клешни. Они-то и стали для Лаврука и способом продолжения своей жизни. Но мало того что Лаврук приспособился просто жить, он сумел сохранить за собой право на инженерную должность и исполнял ее так, что ни нареканий по своему адресу, ни снисходительного отношения к себе не допускал.

Мне очень интересно было смотреть, как он играет в шахматы. Когда наступала очередь его хода, он, оценивая шахматную ситуацию, некоторое время смотрел на доску, затем из-под пиджака появлялась его «рука» с завернутым по локоть рукавом рубашки, и он своей клешней точным движением брал необходимую фигуру и аккуратно перемещал ее в намеченное место. При этом он никогда не касался других фигур своей ужасной клешнеобразной вилкой. Он нажимал на кнопку часов, и рука его пряталась под пиджак.

Лаврук был крупным, несколько грузным мужчиной. Его большая голова со светлыми волосами и короткой шеей плотно размещалась на широких плечах. Лицо его, несколько поврежденное мелкими осколками было безбровым и просторным с немного пухлыми щеками, что придавало ему несколько бабье выражение.

Он выиграл свою партию и постоял около моего стола, наблюдая окончание моей партии.

— В конце ты хорошо играл, — сказал он мне, — А вот вначале суетился. Вот зачем ты делаешь ход пешкой h2 — h3? Что это дает? Защищаешь клетку g4, а зачем? Не хочешь, чтобы противник сюда слон пошел? Пусть идет. Это пустой ход.

Мы поговорили о шахматах, а потом были у нас случаи, когда мы с ним сы-

грали несколько партий. Я привык к его ужасной клешне, а сначала мне было не по себе, когда она появлялась из-под пиджака над шахматной доской. Сам он к своему увечью относился спокойно и даже безразлично. Он умел быть независимым человеком при своих ограниченных возможностях. На работе он сам расстегивал и сдавал в гардероб пальто, сам ходил в архив отбирать необходимые для работы материалы, сам точил карандаши и даже что-то чертил. Вероятно, эскизы. Он работал в группе, разрабатывающей проект централизованного обеспечения самолетов горюче-смазочными материалами в аэропортах гражданской авиации. Начальником у него был интеллигентный и добрейший человек по фамилии Чернов-Пигарев. Они очень хорошо ладили друг с другом.

ЛАВРУК

Лаврук никому не был в тягость. Его доброжелательность, спокойствие, естественность поведения привели к тому, что сотрудники как-то перестали учитывать его физическую неполноценность и обращались с ним, как с обычным человеком. А ведь это было далеко не так. Все что нормальным человеком продельвается просто механически, для Лаврука представляло в иных случаях непреодолимые трудности. Какое же множество всяческих бытовых и иного рода условий необходимых для жизнеобеспечения следовало приспособить для увечного человека. Брюки у Лаврука были на подтяжках и на молнии, обувь тоже застегивалась на молнии. По институту он всегда ходил в накинутах на плечи пиджаке, чтобы не демонстрировать свои обрубленные руки. Пальто он надевал, как и полагается, в рукава, и они как-то безвольно болтались пустые снизу около карманов. Достать что-нибудь из кармана Лаврук не мог. Простая вещь — носовой платок, а как Лаврук пользовался им, я ни разу не видел. Что говорить, сложностей и больших и малых в быту безрукого человека было множество. Но Лаврук был спокоен и жил в диапазоне, опущенных ему возможностей достойно и без жалоб.

Однажды он мне рассказал: — На вечер в день Советской Армии в институте немного выпил. А выпиваю я совсем редко и только дома. В метро, чувствуя, развезло меня, но свою остановку я не проехал. Вышел из вагона — вроде ничего, а в подземном переходе меня закачало. Там трое парней стояли. Я подошел к ним и говорю: «В кармане у меня вот здесь три рубля, возьмите их. У меня нет рук. Выпил на празднике малость. Доведите меня до подъезда дома напротив». Довели, деньги взяли. Я ни разу не видел на пиджаке Лаврука ни наградных колодок, ни цветных нашивок, свидетельствующих о боевых ранениях. Конечно, мне очень хотелось узнать, как его покалечило, как он потерял руки, но в первое время нашего знакомства я не решился об этом заговаривать. А потом, когда наши отношения приняли характер некой доверительности, я попросил его рассказать, если он сочтет возможным, про свою неудачу на войне. Он ухмыльнулся и по-доброму сказал: «Дать тебе главу для книги?»

Он сказал «главу», потому что картавил на букву «л». Я ответил, что необязательно для книги, а чисто по-человечески интересно.

— Раненых и покалеченных людей после войны по домам много вернулось. А вот такого человека, как Вы, я первый раз вижу.

— Видишь, какая история, — ответил мне Лаврук. — Это как посмотреть. Ты говоришь, «неудача», а я тебе скажу — мой случай, это не то что удачное разрешение сложившейся ситуации, а это просто чудо, что я жив остался. Вот так оно бывает. Как-нибудь я тебе расскажу.

Мы редко встречались. Я не приставал к нему со своей просьбой, а сам он не возвращался к нашему разговору. Мало ли по какой причине. А потом вышел указ о разрешении инвалидам Отечественной войны выходить на пенсию в 55 лет. С тех пор я потерял из виду моего доброго приятеля, Лаврука, инженер-проектировщика без обеих рук.

Фотоэтиюд
Константина Попова.
«На качелях».

Маргарита БАЛЬЗАРАЙТЕНЕ

Пусть кто-нибудь
без капли сожаленья,
Поморщившись брезгливо, обзовет
Нас в Лету уходящим поколеньем
И попросту на нас рукой махнет.
Но мы-то знаем все, чего мы стоим,
Как мы росли, как Родину любили,
Как нашими руками был построен
Вот этот мир, который мы вручили
Потомкам нашим в крепкие их руки,
Передавая, словно эстафету
Любовь к Отчизне,
верность ей навеки

И завещанье сохранить планету
Прекрасной, нестареющей, живой,
Где каждому б под солнцем
место было.

Да так, чтоб не прервался
род людской,
Чтоб хлеба всем и воздуха хватало.
...Что говорить, конечно,
без сомненья,

Мы — уходящее, бесспорно,
поколение...

Но пусть младое нынешнее племя
Взрастит с любовью будущего семя,
Чтоб ставши поколеньем уходящим,
Смогли б сказать,
что был их путь незрячим,
Есть чем похвастаться,
чем гордиться есть,
Как ныне тем, кому хвала и честь.

Фотоэтиюд Дениса Клопова.
«Часовня у дороги».

Владимир КУХАРИШИН

РУБАИ

Чтобы каждый приблизиться
к истине мог,
Преподносит нам Бог за уроком урок.
Но едва из урока мы сделаем вывод,
Вмиг его опровергнет играющий рок.

Со времён сотворенья
который уж век
Непрерывно Земля продолжает
свой бег.

Только, как ни прискорбно,
за все эти годы
Ни умней, ни счастливей
не стал человек.

Ольга БУЛАНОВА

НАИВНЫЕ МЕЧТЫ

Я рисовала ясный день
И вдаль текла река.
На берегу цвела сирень,
А рядом — домик из песка.
В нём жили с некоторых пор
Наивные мечты,
Их завораживал простор,
И грело солнце с высоты.
Но дождь внезапно изменил
Мой солнечный эскиз.
Он с легкостью мечты разбил,
Над городом навис.
Он рисовал ненастный день
И шалость ветерка,
Как горько плакала сирень,
И таил домик из песка.

Станислава БАУЛИНА

ПАМЯТИ

МИХАИЛА ЗАДОРНОВА

Он мысль великую изрёк,
Испил из чаши мудрости народа,
Но срок пророчества истёк —
Закончилась прославленная ода.
Он был особый русский человек,
Чей честный голос
к миру призывал,
Под гнётом глупости
он духом не упал
И шёл с щитом из века в век.
Возьмите труд его бумажный,
И будет жить он вечно в вас.
Продолжим путь его отважный,
Который выбрал он для нас...

Любовь ФЁДОРОВА

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК

Мне без тебя
мучительно тоскливо,
Ты уезжаешь часто: дважды в год.
И дни мои становятся унылы,
Теряет время свой привычный ход.
Люблю ли я тебя? — не знаю,
Но с тобой рядом быть хочу,
А о романе я уж точно не мечтаю,
Лишь сны мои, но я о них молчу.
Пусть будет так, а не иначе:
С тобой общаться,
а любить во сне...
И пусть сердечко потихоньку
плачет,
Пусть без тебя тоскливо будет мне.

Алексей КРАЕВОЙ

О ПУСТОТЕ

Баланс — и пусто,
День остановился на нуле.
А времени отпущено не густо
На грешно-праведной земле.
Ложусь — и злость.
Чем оправдаться перед Богом?
Не сущность я, а просто гость.
Итог — баланс — совсем немного.
Встаю — тоска.
А день какой!
Какое дивное светило!
Цветенье роз, дрожанье лепестка...
Душа от злобности заныла,
Я не люблю пустые дни,
Как червоточина они!